

БРЕМЯ ПОИСКА

НАШ ДРУГ и товарищ Николай Михайлович Анисин, в 1991-2008 годах бывший заместителем главного редактора газет "День" и "Завтра", с именем которого неразрывно связан героический период в их истории, к великому сожалению, так и не закончил свой самый большой и значимый труд, свой Magnum opus — роман "Клад". Тем более, что сам автор настаивал на том, что в любых его, "потомственного брянского крестьянина", историка по образованию, журналиста по профессии и писателя по призванию, текстах нет ни грана вымысла, а потому считать их по роду художественной литературы вообще нельзя. Несмотря на то, что там повествуется о вещах небанальных, порой и вовсе выглядящих невероятными, фантастическими. Например, верите ли вы, что существуют люди, способные читать чужие мысли как открытую книгу? Или по своему желанию разгонять грозу с ливнем и, напротив, вызывать дождь среди чистого неба? Автор утверждает, что знал людей такого рода, встречался с ними, описывает их на страницах своей книги не просто со множеством индивидуальных особенностей, но как воплощение возможностей, принципиально свойственных самой природе человека и доступных ему.

Тогда что же это? Мемуары, дневники, беллетризованный историко-философский трактат? Что? Сам Николай Михайлович явно мучился под тяжестью той творческой ноши, которую на себя взвалил и, похоже, утратил внутреннюю возможность отказаться от неё, сбросить со своих плеч, забыть о том, что она существует. Для него, больше всего ценившего собственную свободу, и мысли, и действий, — это незримое бремя становилось всё невыносимее. И тем невыносимее, чем дальше продвигался его работа, чем больше времени и сил им в неё вкладывалось. Ведь речь-то велась не просто о смысле человеческой жизни как таковой, но — ни много ни мало! — о судьбе нашей страны, России и больше того — о судьбе всего Человечества в целом, рождённого "для счастья, как птица для полёта" (А.М.

Горький), но на протяжении множества веков придавленного властью Злата и Булата, а потому вынужденного использовать свои крылья как опору не в воздухе, а на земле. И хорошо если для ходьбы, но чаще всего — для передвижения (и продвижения) ползком на брюхе, а в таком занятии преуспевают прежде всего те, кто в большей, чем иные, мере способен уподобиться рептилиям. Редкие исключения только подтверждают правила, которые сложно применить на практике, но ещё сложнее — понять.

"Клад" — книга о той Силе (с большой буквы), которая раскрывается не только в свершениях гениев и героев, в их открытиях и подвигах, в их стремлении к истине, красоте и добру, но даётся каждому, о той силе, которая вознесла на неприступные скалы монастыри Афона и фессалийских Метеоров, которая вызвала к жизни достижения науки и шедевры искусства, которая противостоит представлениям о человеке как о сугубо биологическом существе, чьи функции без остатка исчерпываются выживанием как таковым: питанием, размножением и всем, что с этим так или иначе связано. Книга о земных ключах к этой Силе, к овладению космическими, божественными энергиями. И о России, где эти ключи, этот "неисскаемый, необъяснимый разумом Источник Силы", порой явно выходят на поверхность истории, напоитывая её своей живой водой, а порой — скрываются до иных времён.

"Английский писатель Герберт Уэллс, посетив Советскую Россию в 1920 году, написал, что положение в ней "настолько тяжело и ужасно, что не поддаётся никакой маскировке, — это картина колоссального неоправимого краха". Русский писатель Иван Ильин, знавший ситуацию на Родине, чуть позже начертил, что теперь "Россия — это дикое поле". А спустя 20 лет в стране неоправимого краха уже была индустрия,

превзошедшая потенциал индустрии Англии, которая создавалась 200 лет (добавлю — создавалась не сама собой, но во многом за счёт эксплуатации колоний, а также других "открытых рынков" по всему миру. — Авт.). А в диком поле с 80 процентами неграмотного населения расцвели наука и литература, искусство и спорт. Почему это в России-СССР могло произойти? Потому что Небеса над огромными просторами Страны Советов расположились к жившим там людям — так же, как и к монахам средь скал Метеоров", — говорит англичанка Кейт, главная героиня книги Николая Анисина.

При этом он вовсе не идеализирует опыт СССР — напротив, подробно, на "живых" и образных примерах исследует причины его взлёта и падения: от "неуёмных сыновей зстойского социализма" и "кротких внуков великой эпохи" — дальше, дальше в глубины истории, включая эпоху Петра Великого, которому автор решительно отказывает в истинном величии: "У него была одна лишь пламенная страсть — воевать", — обращая пристальное внимание на его предшественников, старшего брата Фёдора Алексеевича и старшую сестру, царевну Софью Алексеевну — по его мнению, незаслуженно забытую в пользу Петра подавляющим большинством позднейших историков. Собственно, сами знаменитые "петровские реформы" он считает едва ли не самым нерациональным — через закабаление народа — путём использования того потенциала, который был создан в русском государстве за годы правления царя Фёдора и царицы Софьи, 1676–1692 годы, — и тем самым корневой причиной победы революции большевиков в октябре 1917 года как необходимого шага нашего народа по пути освоения высших космических, Небесных энергий.

Уверен, даже в своём незавершённом виде книга "Клад" действительно является кладом для современной русской литературы и социально-политической мысли, кладом, который нашему обществу ещё предстоит найти и оценить в полной мере, как и всё творчество Николая Михайловича Анисина (8 февраля 1954 г. — 7 июня 2024 г.), разделить с ним бремя его поиска.

Владимир ВИННИКОВ

ПРЕЕМНИК АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА, царь Фёдор, его сын от первого брака с Марией Ильиничной Милославской рос книголюбом. Вбирал знания религиозные и светские. Овладел латынью и древнегреческим, свободно говорил на польском языке. Но главное — сумел вплести то, что сформировало в нём стержень самодержца-государственника. Фёдора короновали в год смерти отца — в 1676-м. Ему в неполные 15 лет политическая самостоятельность никак не предреклась. Он к ней вроде бы и не стремился. Но получил её, потому что не помешал покончить с безраздельным влиянием при дворе клана его матери — Натальи Кирилловны Нарышкиной, а в марionетку родственников своей покойной матери Марии Ильиничны не превратился.

Уравновесившая противоборство Нарышкиных и Милославских, юный царь как бы невзначай приблизил к трону тех, кто не был связан с царской семьёй. Его молодые фавориты: Лихачёв, Языков, Голицын — вместе с властными полномочиями получили и возможность вербовать союзников вне прежнего придворного круга.

Фёдор Алексеевич увеличил наполовину состав боярской Думы и возродил практику созыва Земских соборов. И тем самым помог фаворитам обрести опору в чинах, обеспокоенных народным недовольством. Новое правительство с развязанными руками приступило к наведению желанного большинству порядка в царстве.

Состоялась всеобщая перепись населения. Было проведено межевание помещичьих и вотчинных земель, а также введено подворное налогообложение. Прозрачность в поступлении доходов затрудняла их расхищение. Но не одной лишь прозрачностью двор третьего царя династии Романовых добивался масштабного сокращения казнокрадства.

Царь Фёдор словом увещевал знать умерить спесь. Не тшиться выделять себя перед народом роскошью: — Все мы есть люди Божьи, и ни один благородный без единого, минимого меньшим, жить не сможет.

Распоряжениями своими он спесь знати ущемлял. Был на Руси обычай, обязывающий простолюдина при встрече с боярином сплесть с лошади и кланяться — теперь не быть такому. Иерархию власти молодой царь исполнять переставлял на основе постулата, который особо впечатлил Кейт: — Кого Бог почитит и одарит разумом — того и люди должны почитать, чтоб не перечить Богу.

В январе 1682 года этот постулат был узаконен как перво-степенный принцип в подборе и расстановке кадров. Земский собор одобрил инициативу царского правительства — упразднить местничество, традицию назначения на военные и гражданские должности согласно местом предков на служебной лестнице. Разрядные книги, в которые из века в век записывались должности представителей родов, царь Фёдор повелел публично сжечь. Дабы "впрёдь никто не мог возноситься службою своих предков и унижать других".

Отмену местничества, как представлялось Кейт, царский двор убивал сразу трёх зайцев.

Избегал изматывающих его при распределении должностей споров, у какого из родов больше преимуществ — раз. Утверждал конкуренцию личных способностей, открывавшую приток в управление свежей дееспособной крови — два. Остужал пыл служилых родов состязаться в богатстве — три. Коли деньги, как и происхождение, не сулят власти, мотивация к несправедливой наживе подвергается девальвации.

Приоритет способностей в кадровой политике стирал на служебной лестнице различия между неприметными дворянскими родами и родами знати. Одновременно он и утончал перегородки между служилыми и тягловыми сословиями. Между боярами и дворянами, с одной стороны, и крестьянами и посадскими (горожанами) — с другой. Талантливые простолюдины, которых набирала во всё увеличивавшуюся регулярную армию, могли добиваться офицерских званий и уравниваться в статусе с дворянами. В стрелецких полках, в пехотных и кавалерийских полках нового строя формировалось новое сословие — сословие служилых не по рождению, а по набору. Оно блеснуло в боях с прославленными турецкими войсками на исходе 1670-х и прониклось уважением к себе. И в этом сословии Кейт разглядела гаранта продолжения реформ Фёдора Алексеевича.

Царь-реформатор короткопостижно скончался в мае 1682-го. Пока его родные по матери, Милославские, пребывали в слезах, родственники мачехи, Нарышкины, перешёптывались с дружественной знатью. Сомкнувший ими круг бояр нашёл общий язык с главой православной церкви — патриархом Иоакимом. Пред Красным крыльцом царского дворца в Кремле состоялось собрание духовных и светских чинов. Оно проинформировало права на трон 16-летнего Ивана — отрока не от мира сего, родного брата Фёдора Алексеевича. Царём постановлено было объявить его сводного брата — 10-летнего Петра, сына Натальи Кирилловны Нарышкиной. Патриарх благословил состоявшееся решение...

Переход власти к клану Натальи Кирилловны, отдалённо при царе Фёдоре от трона, означал смену правительства и ставил крест на преемственности в политике. А это не устраивало возвысившуюся при Фёдоре часть правящей элиты, торговцев, промышленников, ремесленников и всё сословие служилых по набору, жаждвшее самоутверждения. По улицам Москвы забродили глашатаи: не болезнь сгубила 21-летнего царя Фёдора — он отравлен супостатами в Кремле. Ими же задушен и царевич Иван.

Этот слух легко принимался на веру во всех слободах столицы: если Нарышкины скрытно и поспешно захватили трон, то явно они не погнушались умертвить Фёдора и Ивана. 15 мая 1682 года в центр Москвы двинулись полки стрельцов — в полном вооружении, со знамёнами и оркестрами. Их сопровождали громадные толпы посадских людей — богатых и бедных. Тягловые спешли со служилыми по набору. Не выступила против них и царская охрана. Стрельцы через распахнутые перед ними ворота вошли в Кремль. Не просителями, а вершителями политики.

Выстроившимся у царского дворца полкам Наталья Кирилловна предьявила вместе с сыном Петром целого и невредимого пасынка Ивана: — Никто блаженного царевича лишать жизни и не помышлял! Разоблачение лжи о его смерти стрельцы не заметили и потребовали выдать 40 "изменников", подозреваемых в отравлении царя Фёдора и в заговоре по несправедному отнятию трона у старшего в мужской линии Романовых — Ивана.

Те подозреваемые, которые находились во дворце, были посажены стрельцами на копы или "изрублены в мелочь". Казни остальных растянулись на два дня. Самоуправство стрельцов правильным сочли как в слободах Москвы, так и в военных гарнизонах в провинции. И боярская Дума, собравшись через неделю, не могла не услышать клич бунта: — Царём согласно традиции должен стать, невзирая ни на что, старший Романов — Иван.

Но стрельцы не настояли на отзыве патриархом Иоакимом его благословения Петру:

ДЕТИ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ

Отрывок из романа Николая АНИСИНА «Клад»

— Пусть он наследует трон вместе с Иваном.

Причину неожиданной покладистости стрелецких лидеров Кейт уяснила быстро.

С совместным венчанием на царство 16-летнего Ивана и 10-летнего Петра главным лицом в Кремле оставалась мачеха первого и мать второго — Наталья Кирилловна Нарышкина. Она сохранила тот же преобладающий над всеми в царском дворе статус, какой имела до стрелецкого бунта. Но тогда за ней стояли братья и самые ухватистые в правление её мужа сановники. Растерзав их, стрельцы выставили Наталью Кирилловну перед современниками как орлицу, "что не имущу клювы и когтей". Пренный могучей свиты у неё не стало, а формировать новое преданное окружение из выживших родственников и друзей она не смела, опасаясь, что они тоже будут перебиты.

Клан Нарышкиных был самой организованной группой-силой в правящей элите. Расправа с ним вызвала панику у остальных знатных родов и эйфорию у лидеров стрельцов: — Что мы хотим, то и воротим!

Во главе их военной организации, Стрелецкого приказа, был поставлен желанный им начальник — князь Иван Хованский. Те, кто вытребовал его назначение, грезили о праве стрельцов на свой порядок в Москве и в царстве, а он ничего не имел против того. При своей же игре кругу Хованского два царя были более кстати.

Стрелецкий бунт установил в Московской Руси небывалую дотеле форму государства, которую Кейт назвала парализованным двоецарством.

Несовершеннолетние цари Иван и Пётр олицетворяли власть, их родственники не могли его должно пользоваться. Насколько они были покорны стрельцам во главе с Хованским, вопило появление на Красной площади "монумента позора" с проклятием имён казнённых в дни стрелецкого бунта. Согласие царского двора на этот монумент означало его согласие признать изменниками — врагами престола и земли русской — тех, кто верой и правдой служил царю Алексею Михайловичу и состоял в прямом родстве с его детьми.

Унизив царский двор, лидеры стрельцов не прогадали намерение подчинить его себе. Но предьявили ему ряд требований. Их отряды, провозглашённые "надворной пехотой", взяли под охрану Кремль. Свобода царской семьи была ограничена. А жизнь действующих членов правительства стала зависеть от милости князя Хованского... Его ведомство, Стрелецкий приказ, превратилось в центр влияния, подавлявший самостоятельность всех остальных ведомств-приказов и кремлёвского двора в целом.

В управлении царством воцарялась неразбериха. Роптали начальники провинций-воевод: какие противоречивые послысы из Кремля принимать, какие — нет? Военные в приграничных городах и казачьих поселениях терялись в догадках: чьи приказы выполнять на случай непредвиденных конфликтов с соседями?

Осмысливая ситуацию в царстве, Кейт шла к выводу: потеря самостоятельности в управлении страной грозила утратой права царской семьи на самодержавную власть. А чем было чревато низложение династии Романовых? Тем же, что и исход династии Ивана Грозного, — ещё одним крушением русского государства. Готовясь обнаружить его описание у историков, Кейт полагала, что ей придётся повторять уже пройденное. То есть читать примерно о том же, что было на русской земле в начале XVII века: о расприх пёстрых претендентов на царский престол, о вмешательстве в их борьбу иностранцев, о походах на Москву самозванцев, о бедствиях от междоусобиц крестьян, посадских и об их восстаниях.

Летом 1682-го Московская Русь была на пороге новой Великой Смуты. Но не шагнула в неё. Как удалось царству избежать потрясения, Кейт установила по книгам двух историков. А потом обратился к книгам ещё троих. Перелистывая тома, она искала — кто из повествователей скажет добрые слова о личности, которая предотвратила повтор Смуты. Но не нашла. Историки, творившие в феодальных, капиталистические и социалистические времена, будто сговорившись, писали об этой личности либо нейтрально, либо иронично. А Кейт в блеклых сведениях о ней разглядела ярчайшую политическую фигуру: уникальную по призванию к служению, эффективную по деяниям, благородную по помыслам. Именно такой в воображении Кейт предстала царевна Софья. Дочь царя Алексея Михайловича от брака с Марией Ильиничной Милославской, родная сестра царя Фёдора Алексеевича...

Она дивила необычайной любознательностью всех вокруг, включая отца-самодержца. И ей единственной из шести дочерей Алексея Михайловича разрешили уроки у тех учителей, которые обучали её младшего брата Фёдора — наследника престола. Вместе с ним царевна прошла полный курс так называемых свободных наук и поднаторела в иностранных языках.

Они прекрасно ладили друг с другом. И когда 14-летний Фёдор сменил Алексея Михайловича на троне, его сердечные отношения с 19-летней Софьей не испортились. Она, как и подобало царственной девице того века, не претендовала ни на какую роль в политике. Клан Нарышкиных оттеснили от трона старшие родственники её покойной матери — князья Милославские. Новых деятелей в правительство царь Фёдор назначал по своему усмотрению. Софья не искала власти — власть искала её.

Юный самодержец Фёдор нуджался в обществе старшей сестры. Она часто находилась с ним рядом в быту и при исполнении царских обязанностей. Ей дозволялось высказываться по делам государства, и её всё чаще привлекали к их обсуждению. Те высшие управленцы, которые стали делать погоду в правительстве Фёдора, воспринимали Софью как равную себе по разумению и вышестоящую по неформальному положению. А кто есть кто в Кремле — знала вся Москва: жизнь царского двора в XVII веке не являлась тайной в столичных слободах. И там в ходу было мнение: хочешь, чтоб твою чепобитную рассмотрили быстро и честно, — обращайся к "мужеумной" царевне.

Смерть Фёдора не отменяла популярности Софьи. Она в неполные 25 лет уже считалась в низах не просто соратницей царя-реформатора, но и самодостаточной политической личностью. Этого не учли Нарышкины. Их решение поспешно и келейно возвести на трон 10-летнего Петра, сына Натальи Кирилловны, отодвигало Софью на задворки Кремля, что не могло не возмутить столичные слободы. Бунт стрельцов, ко-

ему салютовали низы в Москве и в провинциях, зримо был бунтом за восстановление прав на трон 16-летнего блаженного Ивана. На деле же бунтовщики стремились oberечь у власти его родную сестру Софью, а не соблюсти традицию. Казни Нарышкиных и близких к ним бояр производились ради регентства при царе не от мира сего "мужеумной" царевны. Ради того, чтобы она завершила реформы Фёдора.

До погрома клана Нарышкиных в единоличном опекунстве Софьи над одним царём Иваном были заинтересованы все сторонники реформ. После него отношение к ней у лидеров стрельцов изменилось. Они не предвидели, какой жуткий страх вызовет их бунт у правящей элиты. А когда тот страх ясно проявился — им ставить на Софью немедленно расхотелось: — Мы и сами можем быть гарантами общей пользы, правды и справедливости.

А при том полномовстве "мужеумной" царевны становилось помехой. Поэтому стрелецкая верхушка ухватилась за нелепую идею патриарха Иоакима: "да" на троне Ивану, но "да" на нём и Петру.

Таким образом, руки царевны Софьи были повязаны. Не она, сестра одного из провозглашённых самодержцами, главная в Кремле, а мачеха первого и мать второго — царица Наталья Кирилловна. Та почтенная госпожа, которая была убита горем от расправы с её окружением, которая не имела никакого опыта управления и идеально подходила для манипулирования ею. Через неё лидеры стрельцов рассчитывали получать согласие царей на всё то, что считали необходимым для утверждения своего порядка.

Царицу разделяла с царевной пропасть неприязни. Наталья Кирилловна, подозревая Софью в подстрекательстве к стрелецкому бунту, винила её в своих несчастьях и в проклятиях ей не скупилась. Но поскольку обе они сделали заповицами победивших бунтовщиков, царица поступилась чувствами. Подчинилась инстинкту выживания — чтобы спасти себя и сына, надо было довериться Софье. Сама Наталья Кирилловна не могла ни сохранить властный статус царской семьи, ни быть уверенной в её выживании.

В линии поведения царевны Софьи с бунтовщиками Кейт разглядела правило: мухи — отдельно, котлеты — отдельно. Мухи — это амбиции лидеров стрельцов, котлеты — реальные запросы большинства военных и посадских (горожан).

К претензиям руководителя Стрелецкого приказа князя Хованского и его приближённых Софья относилась уважительно: желаете навязать своё — пожалуйста. И уважительно же она их претензии принималась гасить. Так, например, было, когда они впустили в Кремль к резиденции патриарха разъярённую толпу ревнителей старых религиозных обрядов. Запёвные крики этой толпы — "Долой обряды новые!" — царевна приняла как нечто само собой разумеющееся. Не подала виду, что чувствует за этим "долой" намерение сокрушить сложившуюся структуру церкви — опору царского престола. И призвала дирижировавших толпой не рубить сплеча, а спокойно провести "прения о вере". Обсудить аргументы за отменой введённой при её отце церковной реформы. Но не на улице, а в Грановитой палате. Диспут с вожакими старообрядцев Софья затянута до того, как толпа разбрелась из Кремля. Пар агрессии по отношению к действующим иерархам церкви был выпущен. А вновь накалит страсти на сокрушение церковной структуры уже не удалось — настроения в Москве летом 1682-го стремительно менялись. И раз за разом — в пользу "мужеумной" царевны, поскольку на требования к царскому двору она отвечала адекватно и толково.

С долгами стрельцам Софья рассчиталась через жёсткую ревизию казны. А чтоб повысить жалование тем, кто тоже заслуживал, и впрёдь их не задерживать, она распорядилась переплавить на монеты золотую и серебряную утварь из царского дворца, да ещё сократила роскошество богатые монастыри.

В слободах Москвы от царевны ждали перемен в духе произведённой её братом отмены местничества, и она с ними не замедлилась. Подготовила узаконенные царями акты, направленные на стирание застарелого разделения в обществе. Служилым по набору (стрельцам и чинам в полках нового строя) официально предоставлялся такой же государственный статус, как и служилым по рождению (дворянам и боярам). Купцы, мануфактурщики, ремесленники, ямщики, пушкари получили грамоты, где прописывались их права, которые никому не позволено было нарушать.

За два месяца после бунта Софья सकлала самые широкие симпатии. Но за ней по-прежнему не было силы. Полки стрельцов беспрепятственно подчинялись князю Хованскому со товарищами, которых бесконтрольно умножавшаяся популярность царицы. Они всё назойливей вмешивались в дела правительства. И каждый там, принимая решение, вынужден был на них оглядываться: Кремль жил под прицелами стрелецких ружей.

Читая о нарастающей неразберихе в царстве, Кейт не усматривала никакого выхода из неё и была очень сильно впечатлена стойкостью царевны Софьи, которая в любой, даже абсолютно безнадёжной ситуации сохраняла полное самообладание. А потом замыслила и осуществила такой план действий, который бунтовщиков просто ошарашил.

Изящно были запущены глаза "надворной пехоты" — стрельцов, охранявших Кремль. Бдели они, бдели за сохранностью царской семьи в её покоях, а в одно прекрасное августовское утро вдруг обнаружили пропажу оной — всей целиком. Не оказалось в Кремле ни Софьи, ни царя Ивана с пятью его родными сёстрами, ни царя Петра с родной сестрой, ни мачехи первого царя и матери второго — Натальи Кирилловны.

Невидимо проскользнувшие мимо "надворной пехоты" члены царской семьи собрались вместе в подмосковной Троице-Сергиевой лавре — монастыре-крепости. К её стенам выдвинулись те полки из провинций, командиры которых были готовы исполнять приказы царевны Софьи. Их призвали туда бывшие соратники царя Фёдора — князь Голицын и думный дьяк Шакловитый. Они в считанные недели сформировали преданное царевне войско, которое втрое превышало численность всех московских стрельцов. Но пугать их бражничеством оружия Софья категорически отказалась. Лидеров стрельцов известили, что царевна, обеспечив безопасность своей семьи, не на конфликт с ними настроена, а на диалог. Князю Хованскому — не как любимцу бунтовщи-

ков, а как руководителю Стрелецкого приказа, — ушло приглашение посетить царей на их новом месте пребывания. Ему крайне неловко было отказаться. Он выехал в Троице-Сергиеву лавру, на пути был схвачен и обезглавлен. Заодно отрубили голову и его старшему сыну.

Кровью двух князей Софья рассчитывала предотвратить вызревавшее кровопролитие между тысячами стрельцов и тысячами верных ей военных. Её расчёт оправдался, поскольку был подкреплён продуманным миротворчеством.

Из Сергиева Посада по городам страны разлетелись депеши с повествованием о "злочинном умышлении" рода Хованских. О возмещении ими с увёрткой от мнения народа захватить царский трон и извести Романовых — династию помазанных Божьих. Дешечи возымели эффект. Многие поверили, что все сотрясавшие Москву передряги — результат заговора князя Ивана Хованского. Его сторонники растерялись: как теперь мстить за расправу с ним?

Свалив всю вину за бунт на Хованских, Софья через посланцев Голицына и Шакловитого негласно даровала амнистию всем остальным лидерам мятежных стрельцов. Им было предложено смириться без публичного покаяния. Те трезво взвесили свои шансы в противостоянии с царевной — и хотя и не сразу, но растались с амбициями навести собственный порядок, дали добро на снос с Красной площади "монумента позора", дискредитировавшего царскую семью и согласились на запрет их выборным людям диктовать что бы то ни было в учреждениях государства.

Утишив и подчинив себе без стрельбы бунтовщиков, царевна Софья одновременно бескровно загасила властные замашки у остатков клана Нарышкиных. Царица Наталья Кирилловна за месяцы укрывательства в Троице-Сергиевой лавре тёплыми чувствами к падчерице не прониклась, но осознала: только Софья способна спасти царскую семью и государство, а потому впрёдь бороться с ней за влияние бесполезно.

По возвращении в Москву царевна с царём Иваном и сёстрами вернулись в свои апартаменты в Кремле. Царица Наталья Кирилловна с царём Петром и дочерью предпочла поселиться в Преображенском дворце, соседствовавшем с Немечьей слободой. Все действующие чины государства — кто охотно, кто вынужденно — признали царевну Софью единоличной правительницей Московской Руси.

Она как была, так и осталась с титулом "благочерная и великая княжна". Но с осени 1682-го никто уже не затруднял её выдавать свою волю за волю наречённых самодержцами Ивана и Петра. В распоряжениях правительницы Кейт увидела чёткую преемственность курса царя Фёдора на обжигание русских сословий.

Идеологом и главным вершителем политики Софьи стал тот, кто вдохновлял Фёдора Алексеевича на отмену местничества — раздачи мест, должностей по заслугам предков — князь Василий Голицын. Самым же близким к царевне деятелем был Фёдор Шакловитый, заменивший казнённого Хованского на посту руководителя Стрелецкого приказа.

Голицын происходил из правящей династии Великого княжества Литовского, династии Гедиминовичей, которым до Ивана Грозного присягали многие удельные князья Руси. Предики же Шакловитого пребывали на незавидной службе у тех князей или в ведомствах Кремля при царе Алексее Михайловиче, и он был обязан своей карьерой исключительно самому себе.

У Кейт запечатлелась мелькавшая у историков фраза Шакловитого: "Бояре (высшая знать) это зяблые (frost-damaged) деревья". То есть деревья, повреждённые морозом. Но со чтимым Софьей князем Голицыным обожаемый ею удодородный Шакловитый ни в чём по-крупному не расхотелось.

Знакомась с личностью Василия Голицына, Кейт ломала голову: какой эпитет его точнее характеризует? Аристократ толку? Революционер мысли? Вельможа-преобразователь?

Князь Голицын обитал в роскошном особняке напротив Кремля, а гордился он его великолепием, но собранной самолично библиотекой. С книгами на тех четырёх языках, на которых ему далось свободно изъясняться. Он искал мудрости в текстах, но в его мировоззрении преобладали не заимствования. Кейт уверенно это предположила, поскольку знала, когда и как зарождалась теория естественного права. Та самая теория, которая легла в основу "Декларации прав человека и гражданина", провозглашавшую равенство и свободу всех людей от рождения.

Данная Декларация была принята в ходе Великой французской революции — в августе 1789 года. А русский князь Голицын, хранитель "царственной печати", фактически глава правительства самодержавной Московии идеи естественного права не только исповедовал, но и внедрял — за сто с лишним лет до отцов европейской демократии.

Доктрина Голицына не афишировалась. Но осуществлялась. В утробу царевны Софье, её единомышленнику Шакловитому и тем, на кого он опирался в вооружённых силах и тайном сыске.

Новое правление в Московской Руси было правлением, нацеленным на всеобщее согласие и справедливость. В учереждения государства открывалась дорога способным — вне зависимости от их происхождения, имущества и денег. Но при том не происходило наступления на знатных и богатых. Никаких покушений на их достояние не допускалось. Что они имели — с тем и жили. Но шанс сравняться с ними по благосостоянию получили обилие царских подданных. В результате произошло реальное сближение сословий.

Тот единый рынок, коему суждено было связать огромные русские пространства в царствование деда, отца и брата Софьи, не ограничивал перспективы экономического роста в крайне удалённых друг от друга точках. Потoki товаров через ярмарки перераскивались из сибирских провинций на востоке до Смоленска и Пскова на западе, от Белого моря и Архангельска на севере до поволжских городов и Каспия на юге. Спрос на товары стимулировал их предложение и незаметно, постепенно на окраинах и в центре Руси складывалась новая социальная общность. Превеликая по числу общность торговых и рабочих людей. Их энергия была ключом и часто напарывалась на бюрократические рогаки. Сколь они были нестерпимы — выяснилось в стрелецком бунте.

Кейт не сомневалась, что стрельцы с мая по сентябрь 1682-го не стали бы хозяевами в Москве без безоговорочной поддержки их притязаний на собственный порядок в царстве купцами и владельцами мануфактур, наёмными работниками и ремесленниками, ямщиками и речными корабельями. Была Кейт убеждена и в том, что точно так же думала и царевна Софья. И именно потому она отвергла вариант вооружённого подавления мятежа. Можно было ввести в Москву войска, втрое превосходящие полки стрельцов, и силой поставить те на колени. Но никакая сила не способна была расположить к Кремлю торгово-рабочное население крупнейшего города Европы. Царский двор не мог его покорить. Зато мог обаять — ради собственного спокойствия. Этим и занялось новое правительство.